

Девушка Линьцзы — одна из них, и к тому же они отправились в провинцию Ц!

При этой мысли в глазах Линь Цяня мелькнуло понимание.

— Сяо Цянь, тетя Линь приготовила тебе комнату, правда, она немного скромная, стены даже не покрашены, но перетерпишь одну ночку. В углу на втором займешь...

Оказавшись в комнате, Линь Цянь принялся листать свежие новости в телефоне. Возможно, было еще слишком рано, и о тех временах, когда свирепствовало бешенство, пока не было ни слуху ни духу — удалось отыскать лишь информацию о недавно раскопанном захоронении в провинции Ц.

Он рассчитывал, что за столько дней шумиха вокруг этого кладбища должна была утихнуть. Однако стоило ему только забить поисковый запрос, как экран смартфона заполнили лавины новостей, от которых невозможно было отмахнуться.

— Да вы издеваетесь...

Линь Цянь прокручивал ленту новостей вниз, не в силах сдержать ругательство.

Он всего-то несколько дней не заглядывал в телефон и не читал новости, так с чего вдруг провинция Ц так сильно изменилась?

Когда он просматривал их в прошлый раз, сообщение о том, что сошедшая с ума сельчанка исцарапала сына, казалось лишь единичным случаем. Если же взглянуть теперь, то число заболевших после возвращения оттуда исчислялось далеко не десятками. В репортажах даже предполагалось, что в новораскопанной древней гробнице таится некий неизвестный вирус. Поначалу люди не верили, списывая все на несварение от смены воды и непривычной пищи, но после того, как в группе экспертов тоже появились заболевшие с лихорадкой и рвотой, этот участок земли немедленно оцепили, запретив кому-либо входить внутрь.

Некоторые деревенские жители не поверили и, уловив момент, тайком проскользнули на территорию. Однако вскоре после возвращения они повели себя так, будто в них вселились злые духи: вопили, бесновались и бросались на людей. С тех пор ту землю стали обходить десятой дорогой, за километр не приближаясь и не смея соваться туда понапрасну. А съехавшиеся в провинцию Ц специалисты экстренно провели уже несколько совещаний по поводу этого ЧП.

Но результатов пока не было.

Линь Цянь вспомнил недавние слова Линь Сюэюнь о том, что Линьцзы со своей девушкой отправились в провинцию Ц покорять горы. В провинции Ц действительно была гора, известная на всю страну. К тому же провинция Ц находилась по соседству с ними, совсем

недалеко — вот только оставалось неясным, близко ли расположен тот город к тому самому проклятому месту. Если близко, они вполне могли заглянуть туда из любопытства: как-никак, тысячелетняя древняя гробница — зрелище редкое.

Хотя ему безумно хотелось узнать ответ, он понимал, что при его практически чужих отношениях с этими людьми правды ему не скажут, даже если знают. Поэтому он просто встал и пошел в ванную. Выйдя оттуда, он услышал какой-то шумок на первом этаже.

— Не стоит, сватья, правда не нужно так утруждаться, — это был голос тети Чжан.

— Какое там утруждаться! Ты ведь с большим трудом выбралась к нам, а я как раз сегодня наварила лапши, спустишь, съешь мисочку. А где твой приемный сын, которого ты привезла с собой? На вид такой молодой, поди, к ночи сильно проголодается.

— Сяо Цянь поел вечером, он и так...

— Эй, парень наверху, спускайся угоститься!

Линь Цянь едва не покрылся испариной. На первом этаже голосили во всю мощь легких — в городе он такого отроду не видел. Если бы кто-то вздумал так орать в жилом комплексе, из какого-нибудь окна обязательно высунулась бы чья-то голова и обрушила на крикуна трехэтажный мат. Не дождавшись реакции от Линь Цяня, зазывала принялась орать еще истовей.

Волей-неволей Линь Цяню пришлось подать голос. Выйдя на балкон, он увидел, как тетя Чжан с горькой улыбкой сопротивляется, пока Лю Фан затаскивает ее в свою гостиную.

— На твоём месте я бы не совался туда, — снова объявился Фэн Цзыси. Он целыми днями спал, выползая наружу лишь на миг, чтобы отпустить пару шпилек, и Линь Цянь уже давно привык к этому.

Линь Цянь и сам так считал.

— Я знаю.

— А семейка эта — ццц... — Фэн Цзыси слегка приподнял уголки глаз, изобразив презрительную гримасу, однако презирал он не столько Линь Цяня, сколько саму мысль шушукаться за чужой спиной. — Когда ты уже накормишь меня? Я голоден.

— Разве я не подкармливаю тебя каждый день?

Разве две капли крови в сутки не насыщают тебя?

— Я имею в виду нормальную еду. Уже несколько дней во рту маковой росинки не было, в животе такая пустота. — Фэн Цзыси сквозь черную ткань халата погладил себя по животу, выглядя несколько недовольным. Он ведь тоже человек: видеть, как другие уплетают за обе щеки, и не иметь возможности самому ощутить этот вкус...

По правде говоря, он уже много лет ничего не ел. Сначала удавалось обходиться без еды, но стоило разок отведать вкусенького, как воспоминания об этом не шли из головы.

Линь Цянь бросил на него косой взгляд:

— По-твоему, я похож на человека, у которого есть возможность носить тебе еду?

Заметив, как у Фэн Цзыси забежали глаза, Линь Цянь тут же ткнул в него пальцем:

— Исключено вселяться в чужие тела без спросу.

Фэн Цзыси изогнул губы, но прямого ответа не дал.

— Ты в последние дни лентяйничаешь, — прозвучало утверждение.

— Чего это я лентяйничаю? Я последние дни крутился как белка в колесе.

— Я говорю о самосовершенствовании. Неужели ты хочешь снова закончить как прежде — выброшенным на обочину, словно букашка?

Фэн Цзыси ударил больно, прямо в самое сердце Линь Цяня. Тот в последнее время был слишком занят подготовкой припасов, из-за чего и впрямь забросил духовные практики.

— А что ты собираешься делать с тем яйцом? Если оно тебе не нужно, я могу забрать его и поджарить яичницу.

— ...Подожди-ка.

Не успел Линь Цянь договорить, как в его руке материализовалось белое яйцо.

Оно оказалось намного крупнее обычного гусиного — впору обхватить обеими ладонями. Скорлупа выглядела ослепительно белой, но всю ее густо покрывали черные узоры, похожие на паутину. Точно так же, как и в день находки, внутри яйца не было ни малейшего движения — оно молчаливо покоилось единым комочком.

— Фэн Цзыси, и что с этим делать?

Фэн Цзыси развалился на кровати:

— Почем мне знать? У того, кто прислал, и спрашивай.

— Но я же понятия не имею, кто его подбросил.

— Тогда ничем не могу помочь.

Этот товарищ совершенно не горел желанием сотрудничать, и Линь Цяню пришлось разбираться во всем самому. Точно так же, как он когда-то поступил с нефритовым полукольцом, он сперва капнул на скорлупу пару капель крови. Не помогло.

Кровь беспрепятственно скатилась вниз по гладкой поверхности.

Тогда Линь Цянь попытался обволокнуть змеиное яйцо силой мысли и вонзить ее в скорлупу. Стоило ему предпринять это движение, как наблюдавший со стороны Фэн Цзыси резко подал голос, пытаясь остановить парня:

— Постой...

Но было поздно — духовная энергия Линь Цяня уже проникла внутрь яйца.

В следующую секунду Линь Цянь понял, что совершил ошибку. Стоило силе мысли вторгнуться в чрево яйца, как между ним и скрытой внутри зародышевой жизнью проложился прочный мостик связи. Он отчетливо почувствовал, как запас духовной энергии в его теле бешеным потоком устремляется внутрь яйца. Напор оказался столь мощным, что уже через несколько секунд у Линь Цяня потемнело в глазах, тело прошибла страшная слабость, и он чуть не рухнул на пол.

К счастью, Фэн Цзыси не выдержал и оборвал возникшую между человеком и яйцом связь, иначе Линь Цяня попросту выпиливали бы досуха.

Лишившись опоры, Линь Цянь осел на пол, а белое яйцо со стуком скатилось с кровати, лишенное защитного ореола ци. Обычное яйцо в такой ситуации непременно разбилось бы. Однако это издало лишь звонкий стук, дважды перекатилось из стороны в сторону и осталось совершенно целым и невредимым.

— Ты что же, принимал это за враждебное нападение? Сунулся очертя голову, понятия не имея, что там внутри. У меня ни малейшей капли сострадания к тебе, раз уж тебя предали и прикончили собственные соратники, — сдерживая клокотавший в груди гнев, холодно бросил Фэн Цзыси.

Он веками прозябал в мире смертных, и на его пути впервые попался кто-то, кто подавал хоть какие-то надежды на будущее. Если этот глупец вот так бесславно загнется, неужели ему придется снова тратить сотни лет на поиски нового сосуда?

Вот только сила его собственной телесной оболочки и духа сейчас была столь ничтожна, что любое проявление мощи вызывало неоодолимую усталость и тягу погрузиться в спячку. Он вовсе не жаждал после своего пробуждения вновь лицезреть, как этот идиот собственноручно сводит себя в могилу.

Слова Фэн Цзыси еще звучали в ушах. Линь Цянь собирался поблагодарить его, но когда он переборол головокружение и открыл глаза, обитатель кровати уже обратился в сгусток черного тумана и бесследно растворился.

В следующий раз обязательно нужно будет приготовить для него знатный обед в знак благодарности, подумал про себя Линь Цянь.

Он с трудом поднялся, уселся на полу, скрестив ноги, и уставился на виновника своей сегодняшней порки. Тот тихонько лежал перед ним на полу, выглядя совершенно безобидно. Выпившее всю духовную ци Линь Цяня белое яйцо казалось абсолютно заурядным — ни единого отличия от прежнего состояния.

Линь Цянь хотел было продолжить исследования, но пульсирующая боль в голове заставила его отказаться от этой затеи. Он закрыл глаза и сосредоточился на восстановлении запасов духовной энергии.

Когда обычный практик полностью истощает духовную силу, это чревато по меньшей мере двумя бедами: во-первых, в условиях конца света оставаться без капли энергии смертельно опасно; во-вторых, восстанавливать растроченный до нуля резерв потом невероятно тяжело.

Взять хотя бы Линь Цяня: если в прошлые разы черпать энергию из воздуха с помощью уже имеющейся в теле базы было задачей средней сложности, то теперь, при абсолютной сухости резервуара, когда на донышке не осталось ни капли, возобновление ци возрастало в сложности не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Назвать это запредельно трудным — значит ничего не сказать.

Если не осталось духовной энергии для притяжения и захвата, с какой стати окружающая ци должна подчиняться твоей воле?

В этот момент в дверь постучали.

Линь Цянь разомкнул глаза, с которых градом катился пот. Принятый им душ пошел прахом — он снова весь липкий от пота, да еще и покрылся кожной грязью, выведенной наружу потоками ци, так что амбре стояло то еще. Наскоро ухватив пару салфеток, он приоткрыл дверь и увидел на пороге тетю Чжан с пиалой в руках.

— Держи, поешь лапши.

— Не нужно, тетя Чжан, я не хочу... — стоило ему договорить, как в животе громко заурчало, заставив Линь Цяня невольно смутиться. Он истратил слишком много сил, так что голод дал о себе знать.

Впрочем...

— Тетя Чжан, а почему у вас лицо какое-то бледное?

— Пустяки, просто настроение паршивое. Ешь давай. — Она отмахнулась, явно не желая продолжать разговор. Однако залегшая в уголках ее глаз усталость заставила Линь Цяня нахмуриться.

С другой стороны, расспрашивать дальше он не имел права — по сравнению с этой семьей он оставался чужаком. В конце концов, проглотив вопросы, он молча принял пиалу с лапшой.

На следующее утро Линь Цянь поднялся ни свет ни заря. Матрас и постельное белье в комнате явно не проветривали целую вечность, от них разило сыростью и пылью, к чему Линь Цянь был крайне чувствителен, а потому толком не сомкнул глаз.

Когда около шести часов утра он спустился вниз, сельский воздух встретил его привычной свежестью, мгновенно прояснившей голову. Он думал, что встал раньше всех, но Линь Сюэюнь оказалась еще расторопнее.

— Доброе утро, тетя Линь. — Линь Цянь размял затекшие суставы и поприветствовал женщину.

— О, Сяо Цянь, ты даже раньше сестрицы Чжан поднялся, — Линь Сюэюнь как раз перебирала соевые бобы. — Впрочем, неудивительно, она вчера так поздно легла.

Вспомнив вечернее состояние тети Чжан, которая выглядела озабоченной и невеселой, Линь Цянь поинтересовался:

— Тетя Линь, а что случилось с тетей Чжан?

— Ой, да брось ты, — женщина кивнула на соседний дом, стоявший вплотную к их ограде, и лукаво подмигнула: — У них спрашивай. Опять из-за своей проклятой недвижимости грызутся.

— Из-за какой недвижимости?

Линь Сюэюнь прервала работу и толкнула оконную раму:

— Видишь вон тот двухэтажный дом?

Линь Цянь кивнул.

— Он принадлежит тете Чжан. А те родственнички положили глаз на этот участок.

Сельские земельные споры всегда тянулись шлейфом давних обид, что уж говорить о клочке земли, на который претендовала тетя Чжан. Строго говоря, она давным-давно вышла замуж в город, и этот участок был ей без надобности. Единственная причина, по которой она уперлась рогом и наотрез отказывалась уступать, заключалась в том, что земля досталась ей в наследство от покойных родителей.

Более двадцати лет назад, после кончины обоих стариков, сыновья затеяли раздел имущества. Ладно, раздел так раздел, особых возражений ни у кого не возникло. К тому моменту все дети, обзаведшиеся семьями, уже имели собственные дома в городе — не в последнюю очередь благодаря родительской помощи. К тому же младшая дочь, тетя Чжан, до последнего ухаживала за стариками, поэтому при дележке наследства дом единогласно оставили ей, а накопленные за жизнь стариками более чем десять тысяч юаней братья поделили между собой.

Стоит вспомнить, что в девяностые годы сумма в десять тысяч юаней вызывала лютую зависть у любого соседа. Построить добротный дом стоило всего две-три тысячи, так что десятка казалась баснословным богатством. Никто и помыслить не мог, что столь бережливые старики сумели заначить такую кучу денег, и вокруг этого наследства разгорелся знатный скандал. В итоге старшей сестре досталось меньше всего — всего две с половиной тысячи, старший брат заграбатовал львиную долю, а младшему сыну перепали остатки.

Все эти годы вода утекала спокойно, пока тетя Чжан не уехала в город вслед за мужем. Дом так и стоял заброшенным. Поскольку в нем прошли годы их с родителями жизни, пускать туда чужаков ей претило, и помещение пустовало.

А вот старший брат семейства отличался изворотливым умом: околавываясь целыми днями в компании сомнительных типов, то угощая кого-то сигаретами, то устраивая попойки, он вечно вынюхивал какие-то инсайдерские слухи, надеясь урвать куш первым.

Пару лет назад ему донесли по секрету, что некий крупный застройщик намерен развернуть масштабное строительство в окрестных деревнях. Уезды у них славились горами и чистыми речушками, причем земли вовсе не были бесплодными — любые фрукты, выращенные здесь, вырастали сладкими и сочными. Уезд славился фруктовыми садами, и беден был лишь по одной причине: дороги сюда вели из рук вон плохо. Но если инвестор раскошелится на нормальную трассу, эта глушь в мгновение ока превратится в лакомый кусочек, развитие которого не заставит себя ждать.

Раз уж за дело берется крупный девелопер, вне зависимости от достоверности слухов можно было ручаться в одном: старший брат, выкупая дом у тети Чжан, в убытке точно не останется. Если информация подтвердится, цены на землю в уезде взлетят до небес, и актив моментально обретет баснословную ценность — не прогорят, а еще и наварят сверх меры. Даже если слухи окажутся уткой, недвижимость дорожает повсеместно; стоит лишь немного подлатать дом, как окрестные гастарбайтеры и приезжие работники с радостью снимут его за приличные деньги.

Короче говоря, в проигрыше они не останутся.

Старший брат из семейства Чжан умел вести дела. Вынашивая этот план, он ждал, пока тетя Чжан соизволит навестить малую родину, чтобы вцепиться в нее мертвой хваткой и заставить подписать бумаги.

— Ну и продала бы, чего ломаться? — выслушав тираду Линь Сюэюнь, заметил Линь Цянь. Все равно земля эта скоро обесценится окончательно, ведь неважно, правдивы слухи о застройщике или нет — в скором времени в деревне вряд ли останется хоть одна живая душа. — Почему тетя Чжан упирается?

— В смысле — почему? — тетя Чжан, зажав в зубах щетку и держа кружку, с недоумением уставилась на них обоих. — Чего вы тут с ранья шушукаетесь? Отойдите, дайте зубы почистить.

— Э-э, сестрица Чжан, да так, ни о чем.

— Просто болтаем от нечего делать, — в один голос выпалили Линь Цянь и Линь Сюэюнь.

— Ладно, собирайся, пошли за товарами первой необходимости, раз сам дорогу не знаешь, я тебя провожу.

К счастью, с вечера Линь Цянь поставил электроскутер на зарядку. По правде говоря, все те мелочи, о которых говорила тетя Чжан, ему были абсолютно ни к чему — в супермаркете возле его прежнего дома оставались богатые запасы. Но отказываться он не стал: ему хотелось пройтись по деревне, прицениться и выведать, у кого из местных можно прикупить мяса на заморозку, придумав при этом правдоподобную отговорку.

Едва тетя Чжан устроилась на заднем сиденье электроскутера, собираясь трогаться в путь, как створки ворот у старшего брата распахнулись. Линь Цянь взглянул на часы: было восемь утра — для крестьян, привыкших вставать с петухами, время считалось уже поздним.

— Юэфан, погоди не уезжай! — Заметив, что тетя Чжан уже готова ехать, Лю Фан подбегла к ним и стащила женщину с сиденья: — Стой, куда собралась? Я сегодня как раз тоже намылилась в магазин за обновками, поезжай со мной, поможешь выбрать. Ты столько лет прожила в городе, наверняка разбираешься в тамошней моде.

Лю Фан вцепилась в руку тети Чжан мертвой хваткой. На лице последней застыло странное выражение — она отчаянно пыталась высвободить запястье, но приличия и статус соседки мешали ей проявить грубость.

— Сама знаешь, я в городе горбатилась обычной прислугой, какая из меня модница. Позвала бы лучше Сюэюнь, а мне нужно проводить Сяо Цяня по магазинам.

— Да что покупать, ты спроси, может у меня дома все есть — так я просто отдам! Сначала сводишь меня шмотки посмотреть, а уж потом с парнем пойдешь. У меня дело срочное, Линьцзы передал, что на днях вернется.

Лицо Лю Фан расплылось в маслянистой улыбке. Как говорится, бьющего в улыбку не бьют: как бы тетя Чжан не презирала эту физиономию, отвечать грубостью на заискивание было неудобно.

— Дядя Чэнь просил меня подняться в горы до полудня, у меня нет времени ждать, — вставил слово Линь Цянь, и выражение лица Лю Фан мгновенно переменилось.

— Дядя Чэнь? Это ты про того Чэнь Ци? — не обращая внимания на недовольство остальных, Лю Фан уперла руку в бок. — Ишь ты, дядей его величает! Старый хрыч, а ни малейшего уважения к возрасту, ведет себя как пацан. Третий-то сынок пропал совсем недавно, а этот уже шашни крутит с молодой девчонкой. Советую тебе держаться от него подальше, этот старый хрен — та еще темная лошадка.

Линь Цянь терпеть не мог людей, злословивших за чужой спиной, а эту Лю Фан он с первой минуты возненавидел всей душой. Сама же она не замечала собственного отвратительного амплуа, полагая, что сияет фальшивыми улыбками со скрытым умыслом.

— Садитесь, тетя Чжан, мы в два счета обернемся. Раз ваш сынок приедет еще нескоро, у вас вагон времени на покупки, — Линь Цянь попытался перехватить руку тети Чжан, но Лю Фан вцепилась в нее еще крепче, не желая отпускать. Во взгляде, брошенном на Линь Цяня, читалось явное неудовольствие — мол, до чего же невоспитанный и бестактный пошел молодежь.

В конце концов тетя Чжан тяжело вздохнула:

— Ладно уж, я сперва с ней сбегаю. Сяо Цянь, побудь пока дома, во второй половине дня я...

— Я лучше сам съезжу, не маленький, дорогу найду.

Тетя Чжан открыла рот, собираясь что-то возразить, но в итоге все ее слова растворились в тихом вздохе.

Пока Лю Фан упорхнула в дом приводить себя в порядок перед зеркалом, Линь Цянь с недоумением нахмурился:

— Тетя Чжан, если вам так не хотелось идти, зачем вы согласились?

— Расставим все точки над i, и дело с концом. Раньше я щадила старые чувства, но раз по-хорошему она не понимает, придется говорить прямо.

— Тетя Чжан, почему вы ни в какую не соглашаетесь продать дом?

— Ты ничего не понимаешь. Раньше я за всё подряд не цеплялась, потому что у меня оставался родительский дом как память, а теперь... — тетя Чжан зачастила, но тут же осеклась, поняв, что сболтнула лишнего. — Ха-ха, да ладно, не бери в голову.

— Я же слышал от тети Линь. Все равно вы обосновались в городе, продали бы этот хлам и жили в тишине и покое.

Линь Цяню очень хотелось добавить: толку от этого дома — ноль, так почему бы не сбыть его с рук да не ободрать эту семейку как липку? К тому же кругленькая сумма на банковском счете — лучшая опора в жизни, глядишь, потом еще сами на коленях приползут.

Но вслух он этого не произнес, зная, что тетя Чжан все равно не поверит, а то и решит, будто у него не все дома.

— Всё не так просто. Тридцать с лишним лет дому... Если отдать его им, они же в два счета всё разнесут и испоганят, — в голосе тети Чжан прозвучали нотки сентиментальной тоски.

Увидев это выражение лица, Линь Цянь понял, что переубедить ее насчет продажи не удастся — для нее это место действительно имело огромную ценность.

<http://bllate.org/book/21387/2180252>